

твующих формированию личности ученика», закрепляя в них осознание воинского и гражданского долга.

Сложнее было организовать подготовку в сибирской провинции. В 1916 г. военный губернатор Забайкалья издал приказ, в котором отметил, что в области «нет широкого отклика» со стороны общественных организаций и учебных заведений, кроме Читинской мужской гимназии. Губернатор, указывая на «отзывчивость населения на нужды войны», писал, что причина кроется в недостаточной осведомленности населения, и предписывал пропаганду не только начальникам учебных заведений, но и «чинам полиции» (ГАЧО, ф. 4, оп. 7, д. 33, л. 1).

В сельских поселениях рекомендовалось начальникам начальных училищ, при наличии учеников 16-летнего возраста, обеспечить им возможность поездки для прохождения подготовки в город или найти инструктора. Однако не все сельские училища могли такого инструктора найти, либо их не устраивал уровень подготовки инструктора. Так заведующий Акшинской школой попросил помощи у атамана II военного отдела, который откомандировал урядника. Но педагогический совет училища решил, что поручать дело обучения «лицу малоинтеллигентному» нельзя (Там же, л. 9). При создании Военно-спортивных комитетов в уездных городах, трудности были общими: отсутствие средств для оплаты руководителям и на изготовление гимнастических приспособлений; отсутствие человека, знающего военное дело; отсутствие большого количества лиц, желающих пройти допризывную подготовку.

Таким образом, общественная инициатива обгоняла правительственную, при этом первая была вызвана новыми педагогическими идеями и назревшей потребностью населения, тогда как вторая была стимулирована русско-японской и Первой мировой войной. Отметим и то, что правительство преследовало не только цели физического развития, но и пыталось совместить его с формированием модели социализации консервативного типа, с опорой на патриотическое и национальное воспитание. При всей разнице понимания целей и способов физического воспитания и развития, общество и власть в этой сфере могли, на наш взгляд, найти достаточно точек соприкосновения.

В. А. СЕМЕНОВ

БОРЬБА С КОНТРАБАНДОЙ СПИРТА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1913–1917 гг.

Важным вопросом для российской стороны в начале XX в. был вопрос запрещения продажи спирта русскому населению в Монголии и Китае. Отмечая повышенный алкоголизм местного казачьего населения,

российские власти неоднократно указывали на «развращающее влияние, которое оказывает дешевый спирт на местное казачье население», отмечали, что борьба с контрабандой спирта имеет не только экономическое, но и «государственное значение».

Отметим, что в указанный период времени на восток России ввозилось огромное количество контрабандного спирта. Так, в 1913 г. судя по количеству падения оборотов в 18 пограничных казенных лавках Нерчинско-заводского уезда с 1911 г. (с 1911 по 1913 гг., после введения таможенных учреждений по русско-китайской границе в 1911 г.) количество ввозимого контрабандой ежегодно спирта в Забайкалье можно было исчислять не менее 60 000 ведер в 40 градусов каждое, и это без учета алкоголя, который выпивался русским населением на территории Монголии и который потреблялся на золотых приисках, находившихся в местах отдаленных от правительственных надзорных учреждений (*ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 103, л. 11*). Представленные в настоящей статье архивные данные, почерпнутые из фондов Государственного архива Иркутской области позволяют детализировать факты контрабандного проникновения спирта в Россию, не только через Китай, что было уже описано рядом исследователей, а через Монголию.

Борьбу с контрабандой спиртных напитков в России тогда вели, во-первых, таможенное ведомство, а во-вторых, акцизное управление, появившееся в регионе в 1907 г. и состоявшее из 18 конных акцизных контролеров.

Таможенное ведомство в Забайкалье контролировало линию в 700 верст, в основном по реке Аргуни. Оно неоднократно увеличивало свои штаты, и довело их численность до 90 таможенных досмотрщиков в 1913 г. Центр таможенного управления находился в Чите.

За 1913 г. таможенным учреждением Забайкалья было задержано 1946 ведер спирта. Что же касается 18 акцизных контролеров, то результаты их деятельности были скромнее — 800 ведер за год.

Контролеры располагались за таможенной линией и задерживали ту контрабанду, что прорвалась за таможенный кордон. Значительно снижало эффективность деятельности акцизных чиновников противостояние с проживавшими в приграничье казаками и местными поселковыми властями. Дело даже доходило до откровенных нападений на контролеров. Так, 17 октября 1913 г. в поселке Алаширском Аргунской станицы Нерченско-заводского уезда, конные контролеры Долинин и Собеёв обнаружили контрабандный спирт на земской квартире и потребовали содействия поселкового атамана к задержанию контрабанды. Но вместо атамана явилась пьяная толпа, которая отобрала у контролеров винтовки и револьверы. Контролером часто не давали квартиры в станицах, портили лошадей, били стекла на квартирах и чинили им другие препятствия. Даже наказной атаман не мог справиться с противодействием казачьего населения акцизному надзору.

В качестве мер оптимизации работы таможи и акцизного надзора предлагалось увеличить число таможенных пунктов и конных акцизных контролеров. Рекомендовалось сопровождать все поезда, идущие от станции Маньчжурия до Иркутска таможенным инспектором. Последнее диктовалось тем, что таможенный надзор на самой пограничной железнодорожной станции Маньчжурия не давал результатов, так как контрабанда грузилась в поезда на следующих станциях, а границу она пересекала на подводах, гужевым транспортом. Акцизные же чиновники, к тому же были лишены права досматривать поезда, поскольку это была прерогатива жандармов.

Кроме этого, требовалось добиться ускорения судебного производства по делам контрабандистов, так как эти дела тянулись годами, разрешить таможенным чиновникам контролировать ввоз контрабанды не в пределах таможенных пунктов, а в районе 100 верст от границы, а также принять меры административного принуждения к казакам и поселковым властям.

Но основное внимание в деле борьбы с контрабандой спирта отводилась российскими властями заключению антиспиртового соглашения с Китаем и Монголией.

После образования в результате Синьхайской революции 1911 г. в Китае Монгольского суверенного государства, между ним и Россией были установлены дипломатические контакты. Затем началась кропотливая работа по выработке общей экономической политике двух держав в регионе.

Переговоры относительно заключения соглашения о запрещении провоза спирта и ханшина (китайской национальной водки) между монгольской и русской стороной начались в декабре 1912 г. В октябре 1913 г. в Ургу прибыл действительный статский советник, чиновник Министерства торговли и промышленности Козаков. Он общался с представителями Ургинского общественного управления и пообещал запретить русским подданным строить в Монголии заводы по производству спирта.

Утверждение 22-го ноября решения Ургинского общественного управления о введении должностей заведующего корчемной полицией и 4-х полицейских, подтолкнуло стороны к достижению соглашения по борьбе с ханшином и спиртом.

30 декабря 1913 г. российский поверенный в делах в столице — Урге, сообщал Иркутскому генерал-губернатору, что представляет ему копию договора с Монгольским правительством от 30 декабря 1913 г. о запрещении провоза в Монголию спирта и ханшина. В связи с этим посланник просил принять меры в отношении станичников, занимавшихся контрабандой в зоне русско-монгольской границы. Отметим, что данный запрет касался китайской алкогольной продукции (промышленного спирта и ханшина), но не русской водки, беспošлинно ввозившейся в Монголию

из России. Итак, в целях ограничения вредных последствий от употребления монголами и русскими спиртных напитков Правительство его святейшества Чжобсуан-Дамба Хутухты и Императорское Российское правительство заключили 30 декабря следующее соглашение.

В ст. 1 запрещался ввоз во Внешнюю Монголию спирта и ханшина.

В ст. 2 разрешалось ввозить непосредственно монгольскому правительству спирт и ханшин для религиозных целей и аптек.

Согласно ст. 3. договора за контрабандный провоз ханшина и спирта виновные подвергались штрафу в размере ввезенного ханшина и спирта, которые затем публично должны были уничтожаться. Штраф взимался с контрабандистов в пользу Монгольского правительства.

В ст. 4 монгольское правительство обязывалось принять меры к недопущению провоза спирта из пограничных с Россией районов в российские пределы и не допускать устройства в пограничной монгольской полосе складов и лавок спирта и ханшина.

В ст. 5 российское правительство обязывалось оказывать монгольскому содействие в борьбе с контрабандой алкоголя и запретить своим подданным устройство в Монголии заводов по производству алкогольной продукции.

В ст. 6 говорилось, что монголы могли приобретать алкогольную продукцию только с разрешения своего правительства.

Седьмая статья соглашения гласила, что подданным третьих стран в деле торговли спиртом не будет предоставлено больше прав, чем россиянам.

Восьмая статья вводила шести месячный срок для ликвидации в Монголии ранее существовавших складов ханшина и спирта (*Там же, д.103, л.6–7*).

Как видно из письма агента Министерства торговли и промышленности состоящего при Генеральном консульстве в Монголии от 27 ноября 1913 г. предлагалось отправить из России в Ургу акцизного надзирателя и надсмотрщиков.

Создание акцизного кордона в Монголии, привело к тому, что спирт пошел в Россию через Маньчжурию.

14 августа 1915 г. Нерченско-заводской уездный начальник, он же атаман 4-го отдела Забайкальского казачьего войска доносил военному губернатору Забайкальской области, что он в распоряжение приказа провел осмотр правобережья реки Аргуни до реки Чикон. Причина активности российских властей заключалась в том, что 7 августа на китайский берег против станицы Усть-Уровской пристал пароход «Томь» и стал выгружать груз. При внезапном обыске, проведенном совместно с начальником таможенного поста в Усть-Уровской, был обнаружен спирт на 500 ведер. Командир парохода, он же владелец, житель Благовещенска Корней Федорович Крокус, показал, что находился в заграничном

плавании в Китае, и оттуда перевозил груз китайских торговцев. В течение недели он перевозил китайский груз из Мохо дважды. По сведениям, имевшимся у начальника 3-й дистанции 1-го участка Управления водных путей Амурского бассейна, на пароходе «Томь» был другой капитан, фамилия которого неизвестна. Но во время преведущего рейса при погрузке в Мохо оружия и патронов для их доставки в Усть-стрелку и Чикой на китайские военные посты, он поссорился с владельцем парохода Крокусом и был уволен последним от службы.

В связи с поимкой крупной контрабанды, атаман предлагал учредить казенное пароходное сообщение по Аргуни, провести по Аргуни телеграфную линию и увеличить число таможенных постов.

Подобные факты привели к тому, что возник вопрос о взаимном запрещении Китаем и Россией, торговли опиумом и спиртом.

24 июня 1915 г. китайский МИД уведомил российскую сторону: «Если почтенное правительство запретило в Забайкальской, Приморской и Амурской областях, а также линии КВЖД культуру мака, а также ввоз опиума в Китай, то со своей стороны Китайское правительство пошло на запрещение в 50-верстной пограничной полосе Гиринской и Хэлуцзянской провинции ввоза и вывоза спиртных напитков иностранного производства».

Таможенный инспектор Аргунского района 15 ноября 1915 г. общал Иркутскому генерал-губернатору, что местными монгольскими властями еще в минувшем году сделано распоряжение о запрете продажи спиртных напитков на правом берегу Аргуни, и что в настоящее время правитель Хулунбуира, вновь подтвердил это распоряжение и выразил согласие, чтобы русские пограничные власти сами следили за исполнением этого распоряжения, конфискуя спирт вместе с ближайшими монгольскими чиновниками.

Министр Финансов России с учетом того, что монгольские власти стали бороться с контрабандой спирта, а также запрещением торговли спиртом в пределах всей Российской империи, изволил приказать чинам таможенного ведомства активно бороться со спиртом в Монгольском и Китайском (соглашение пограничных властей 29 апреля 1915 г.) приграничье.

Согласно этому предписанию, таможенный инспектор Аргунского района предписал провести выемки спирта на монгольской территории. По соглашению с Забайкальским военным губернатором, выемка спирта проходила под руководством российских таможенных чиновников. Задержанные спирт и водочные изделия были сданы на таможенные заставы. При проведении выемок и задержаний возник вопрос о границе между Россией, Монголией и Китаем. Нерченско-заводской уездный начальник, отметил, что он действовал на китайской территории, напротив Усть-Уровского, Урюпинского, Жигдочинского таможенных постов. В

связи с отсутствием между Россией и Китаем договора о возможности российским властям проводить самостоятельное изъятие спирта в китайских пределах, изъятый там спирт пришлось возвратить обратно и обратиться к китайским властям с просьбой о борьбе со спиртом.

Таможенный инспектор 8 декабря 1915 г. в послании Иркутскому генерал-губернатору сообщал, что «...по реке Аргуни от устья правого притока ее Молихэхэ до реки Амура, Забайкальская область соприкасается не с монгольскими, а китайскими владениями, и что поэтому таможенные учреждения, находящиеся на этом участке границы Забайкальской области, в отношении пропуска товаров должны руководствоваться не законом 7 мая 1914 г. (*Собр. Узак. Ст. 1296*), а положениям ст. 936 Устава Таможенного, по продолжению 1910 г. и Законом от 10 октября 1915 г., применяемые уже учреждениями находящимися в Приамурском генерал-губернаторстве.

Русскими чиновниками отмечалось, что применяемая мера наказания за пьянство—конфискация и уничтожение спирта, а также штраф, не достигает цели.

Поэтому, в целях борьбы с пьянством в русских поселениях предлагалось применить следующие меры:

- запретить вывоз с заводов в Маньчжурии русского спирта в Баргу и Монголию;
- постепенно закрыть спиртные заводы в Маньчжурии;
- запретить торговлю спиртными напитками в русских поселениях в Монголии, предоставить на ликвидацию подобной торговли пятимесячный срок (до 7 мая 1916 г. конца бюджетного года в Монголии) (*ГАИО, д. 103, л. 29–30*).

2 марта 1916 г. МИД России сообщил, что всем русским факториям за рубежом запрещено производить и потреблять водку.

Тем не менее, как видно, из доклада окружного акцизного надзирателя Павловского, в Кяхту из Монголии проникал и в начале 1917 г. спирт, который затем развозился в Приамурье, спирт проникал из полосы отчуждения КВЖД, где он свободно производился и беспрепятственно развозился.

Причина продолжения функционирования в Маньчжурии спиртовых заводов, принадлежавших русским подданным, заключалось в том, что русские предприниматели переписали их на подставные лица, главным образом, японские и французские.

В телеграмме МИДа России от 13 апреля 1917 г. послу в Токио, за № 1681 говорилось: «Благоволите указать МИД на затруднения, в которые нас ставит нежелание японского правительства присоединиться к русско-китайскому соглашению о спирте. Японцы осуществляют торговые операции вместо русских. Необходимо подтолкнуть Японию к подписанию соглашения о борьбе со спиртом в полосе КВЖД» (*Там же, л. 48*).

Несмотря на то, что начальник КВЖД генерал Хорват распорядился запретить торговлю спиртом на линии КВЖД, ликвидировать находящиеся там спиртные заводы не удалось. Принимая во внимание, что русско-китайское соглашение от 7 июня 1916 г. не распространялось на иностранных подданных, производство и торговля спиртом продолжилась под фиктивным руководством. Таким образом, запрещение торговли вином, водкой и спиртом не достигло своей цели. Для торговли спиртными напитками были закрыты только буфеты и рестораны в полосе отчуждения КВЖД.

Юридическое решение проблемы лежало в присоединении к русско-китайско-монгольскому антиспиртовому соглашению Японии и европейских держав, союзников России по Антанте.

Но как свидетельствует телеграмма от 1 мая 1917 г. посла в Токио Крупенского за № 187, дипломатические попытки России в этом направлении не увенчались успехом. Так, посол доносил в МИД России: «На мои повторные настояния о скорейшем присоединении Японии к русско-китайскому соглашению о спирте Министр Иностранных Дел (Японии), отметил затруднения, которые встречаются в этом деле, в виду необходимости поступиться в данном случае дарованными японцам в Китае правами, просил указать конкретные случаи участия японцев в качестве подставных лиц в торговле, а равно цифры касающиеся ввоза контрабандного маньчжурского спирта в Россию. Виконт Мотоно сказал мне, что эти данные облегчат задачу улаживания этого дела. В виду сего прошу сообщить мне эти данные» (*Там же, л. 53*).

Таким образом, в период с 1913 по 1916 гг. российское правительство, столкнувшись с контрабандой спирта на Востоке империи, заключило соглашение с Монголией и Китаем о совместной борьбе с контрабандистами, в своей основе россиянами. Но нежелание других политических акторов региона — Японии, европейских держав, вступить в соглашение трех стран относительно запрещения производства и продажи спирта, привело к тому, что спиртовые заводы были формально переданы в руки японских и европейских подданных, пользовавшихся в Китае правом экстерриториальности. С этих заводов, спирт контрабандно продолжал поступать в Россию вплоть до революционного 1917 г.

В.В. СИННИЧЕНКО
А.И. КОРОБЧЕНКО

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИРКУТСКОЙ ТАМОЖНИ

В 1861 г. в истории российской таможни на дальневосточных окраинах империи произошло важное событие. В связи сведение режима